

ЙОВАН ДУЧИЧ

Граф Савва
Владиславич-
Рагузинский

Серб-дипломат при дворе
Петра Великого и Екатерины I

славянская карта

Йован Дучич
Граф Савва Владиславич-
Рагузинский. Серб-
дипломат при дворе Петра
Великого и Екатерины I
Серия «Славянская карта»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24720859

*Граф Савва Владиславич-Рагузинский. Серб-дипломат при дворе Петра
Великого и Екатерины I / Йован Дучич ; [пер. с серб. В. Н. Соколова].:*

Скифия; Санкт-Петербург; 2009

ISBN 978-5-903463-24-4

Аннотация

Граф Савва Лукич Рагузинский незаслуженно забыт нашими современниками. А между тем он был одним из ближайших сподвижников Петра Великого: дипломат, разведчик, экономист, талантливый предприниматель очень много сделал для России и для Санкт-Петербурга в частности. Его настоящее имя – Сава Владиславич. Православный серб, родившийся в 1660 (или 1668) году, он в конце XVII века был вынужден вместе с семьей бежать от турецких янычар в Дубровник (отсюда и его

псевдоним – Рагузинский, ибо Дубровник в то время звался Рагузой). Получив в Дубровнике, Италии и Франции отменное образование, он организовал собственное торговое предприятие в Константинополе, и вскоре предложил свои услуги российскому посольству, предоставив ему тексты секретных договоров Турции с западноевропейскими странами...

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА	6
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	11
Глава I	15
1	16
2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Йован Дучич
Граф Савва Владиславич-
Рагузинский. Серб-
дипломат при дворе Петра
Великого и Екатерины I

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

Серия «Славянская карта»

Перевод с сербского В. Н. Соколова

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА ПТЕНЕЦ, СТАВШИЙ ОРЛОМ

Уважаемый Читатель, если ты взял в руки эту книгу, значит, ты неравнодушен к великой истории нашей страны, значит, тебя влечет восемнадцатый век – великая и романтическая эпоха, когда Россия под скипетром Петра стала воистину великой державой. Этому в немалой степени способствовали соратники государя, имена которых прозвучали в «Полтаве» Александра Сергеевича Пушкина: «Сии птенцы гнезда Петрова – В прменах жребия земного, В трудах державства и войны Его товарищи, сыны: И Шереметев благородный, И Брюс, и Боур, и Репнин, И, счастья баловень безродный, Полудержавный властелин».

Понятно, что поэт перечислил только тех сподвижников Петра, которые уложились в поэтическую строку. К тому же, герой этой книги, один из самых верных друзей и соратников царя, был не полководцем, а разведчиком, дипломатом, финансистом, литератором и патриотом – патриотом России и своей поработенной родины, Герцеговины.

В те времена в Россию устремлялось немало братьев-славян. Иные, как хорват Юрай Крижанич, стремились внедрить у нас католицизм; словак Мориц Бенёвский, желавший сразиться с Россией за свободу Польши, оказался сначала

в камчатской ссылке, а затем воцарился на мадагаскарском престоле. Но то были авантюристы чистой воды, которыми славилось то время. Иное дело – Савва Владиславич, более известный у нас как граф Савва Рагузинский. Хотя, эпитет «известный» мало подходит к этому человеку. Плита на его могиле утрачена полтора столетия тому назад, а помнят его в нынешней России только историки да хранители Летнего сада, ибо именно его стараниями этот дивный уголок Петербурга был украшен итальянскими беломраморными фигурами.

Конечно же, помнил его и автор Полтавы, потому что именно Рагузинский подарил Петру чернокожего прадеда поэта – «арапа», Абрама Петровича Ганнибала, и до самой своей смерти опекал его в России и Сибири, когда необузданный темперамент привел императорского крестника в ссылку. Пушкин вспоминает Рагузинского (точнее, его сына) в V главе незавершенного романа «Арап Петра Великого», а в подготовительных текстах к «Истории Петра I», в заметке, относящейся к 1711 году, пишет: «Тогда явился к Петру некто Савва Владиславлевич, родом рагузинец (т. е. уроженец Дубровника – В.С.), он был в Константинополе агентом Толстого, Петр принял его милостиво, Рагузинский (так стал он называться) советовал сослаться с черногорцами и прочими славянскими племенами, Петр и отправил им грамоту, приглашая их на оттоманов».

На самом же деле «некто Савва» впервые «явился к Пет-

ру» еще в 1703 году, и тогда же был им богато вознагражден за доставленные сведения о враждебной Османской империи. Может быть, именно близость к государю стала причиной зависти, которую питали к Савве многие царедворцы? Может быть, редкостная удачливость в делах государственного уровня способствовали забвению его роли в становлении «России молодой»? Может быть, его баснословное богатство вызывало зависть современников? Ведь Владиславич был вторым богатейшим человеком России – после Александра Меншикова? Тем более что в отличие от иных чиновников, Владиславич заработал состояние честными трудами на благо державы!

К тому же, исполняя дипломатические поручения, общаясь с заведомыми врагами России в частности и православия вообще, для того, чтобы получить необходимые ценные сведения, он, как настоящий разведчик, вынужден был проявлять невероятную гибкость и изворотливость. Это тоже вызывало недоверие у несколько прямолинейных государевых слуг, не гнушавшихся иной раз запустить тайком руку в царскую казну, при этом не допуская никакой критики в собственный адрес.

Вспомним, что многочисленные «птенцы гнезда Петрова» после смерти императора подверглись опале. Владиславич избежал этой участи, ибо в переломный момент российской истории, сразу после смерти Петра Великого, возглавил посольство в Китай. 27 декабря 1725 года он выехал из

Москвы, и вернулся в нее только три года спустя – 18 декабря 1728 года, во время правления царя-ребенка Петра II. Десять последних лет его жизни пришлось на мрачный период правления Анны Иоанновны и ее фаворита Бирона. Тем не менее, Владиславич, граф, тайный советник и кавалер высочайшего ордена Российской империи, был похоронен со всеми причитающимися государственными почестями и... забыт на века!

Однако в родных краях графа помнит каждый его земляк. Спросите любого уроженца Герцеговины, кто такой Владиславич, и вы получите незамедлительный ответ: «Это наш человек, который подарил русским Пушкина!» Здесь следует сказать несколько слов и об авторе этой книги, классике сербской поэзии, дипломате и дальнем родственнике своего героя, герцеговинце Йоване Дучиче (1874–1943). Он родился в Требинье (Герцеговина), скончался в Гэри (США), в эмиграции. Свою книгу о Савве Владиславиче он завершил в 1940 году, поставив перед собой цель подробно рассказать сербскому народу об одном из самых замечательных его представителей. Наверное, ни в одной стране мира, кроме Сербии, автономной Республики Сербской (Босния и Герцеговина) и Черногории, не принято так бережно хранить память о предках и гордиться их славными делами. И потому великий национальный поэт не раз подчеркивает, что он решил рассказать землякам о тех моментах биографии своего героя, которые, в силу различных исторических обсто-

ятельств, мало известны его землякам. Современному российскому читателю следует учесть это, особенно при чтении первой главы книги, в которой Дучич обстоятельно разбирает родословную Саввы Владиславича.

Тем не менее, издатель и автор перевода сознательно не сокращали эти страницы, которые иллюстрируют своеобразный процесс мифологизации героя (из текста удалены только некоторые топографические детали в описании Герцеговины тех дней). Большинство российских документов, приведенных в тексте, даны в оригинале, и только в отдельных случаях, когда цитируются документы, оригиналы которых не обнаружены, или были написаны на иных языках, публикуются в переводе с сербского языка, как они приведены в книге.

Хочу добавить, что издание книги Дучича является вкладом издательства в программу «Путь Петра Великого» и в сербско-российский проект по увековечению памяти графа Саввы Владиславича-Рагузинского. Участники проекта надеются в ближайшее время установить памятный знак в Благовещенской усыпальнице Александро-Невской лавры Санкт-Петербурга. Однако главная цель этого издания – отдать должное выдающемуся сподвижнику Петра Великого и сохранить его память в сердцах русского народа.

Василий СОКОЛОВ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Этой книгой я возвращаю сербскому народу и родной Герцеговине ее благородного сына Савву Владиславича, первого православного серба, который после окончания эпохи сербских королей, царей и деспотов¹ стал русским посланником в иностранных государствах, демонстрируя врожденную одаренность и дальновидность, столь свойственную нашему народу.

Савва Владиславич занял весьма заметное место в когорте русских дипломатов первой трети XVIII века. В течение двадцати пяти лет он участвовал в важнейших событиях, происходивших в Российской империи: заключил в Яссах военный союз с правящим князем Молдавии, подписал на реке Прут мир с султаном, конкордат² с папой в Риме, а также договор о дружбе и разграничении территорий между Россией и Китаем с китайским императором. Но в то же время Владиславич – что до сегодняшнего дня было неизвестно сербскому народу и что для нас в его деятельности является самым важным – стал первым сербом, который в кон-

---

¹ Средневековый титул государей на Балканском полуострове. (Прим. ред. Все примечания, кроме специально оговоренных, принадлежат автору)

² Договор между папой римским как главой католической церкви и каким-либо государством; регулирует правовое положение католической церкви в данном государстве и его отношения с папским престолом. (Прим. ред.)

це мрачного XVII века привлек православную Россию и лично царя Петра Великого к освобождению сербов и Балкан.

Савва Владиславич до сегодняшнего дня вообще не был известен нашей науке. Даже коллектив наших лучших ученых ни единым словом не упомянул его в первой «Сербской энциклопедии» (Белград, 1924). Это свидетельствует о том, насколько трудно было получить исторические свидетельства о великом сербе, память о котором ушла в прошлое и почти полностью стерлась. Но, пожалуй, еще удивительнее, что и в России было написано ничуть не более чем у нас, об этом крупном русском дипломате, который упоминался всего несколькими строчками в энциклопедиях, несмотря на то, что его имя встречается в сотнях важнейших русских и иностранных документов.

Работая над этой книгой, я, как поэт, был невыразимо далек от своего привычного литературного труда, которым занимался исключительно по вдохновению. Но я ступил на чуждую мне территорию исключительно из любви к сербскому народу, который породил множество известных, неизвестных или забытых титанов. Я писал эту книгу, руководствуясь любовью к нашему краю – Герцеговине, воспе-той гусярами, к этому вертограду нашего языка; любовью к этой кузнице нашего стиха, который, возникнув из косовской боли, стал настолько присущ сербам, насколько гекза-метр отражал духовный и исторический облик древних греков.

Савва Владиславич был типичным представителем родного края: он стал воплощением серба из Герцеговины, духовного настолько, насколько и душевного, гибкого в той же мере, как и горделивого, осторожного и в то же время неустрашимого. Этот баланс положительных и отрицательных качеств, определяемый почти эллинским чувством меры, характерен для истинного герцеговинца. Серб из Герцеговины, скорее обитатель Средиземноморья, нежели Балканского полуострова, человек романтический – и в то же время реалистично мыслящий, мечтатель – и позитивный созидатель, Владиславич, уходя из нашего горестного XVII века, сотворил себе славу великого дипломата великого славянского народа, и заслуги его в огромном славянском мире огромны. Он первым поднял в России сербский вопрос как главную проблему Балканского полуострова.

Многие годы жизни я посвятил собиранию исторических сведений из различных источников, вплоть до самых мелких, имеющих отношение к Савве Владиславичу, которые могли бы осветить его личность и дополнить его портрет. Савва Владиславич предстает в этой книге не только как выдающийся дипломат, в ней нет каких-либо отдельно взятых ярких эпизодов из его жизни. Я постарался оживить его образ, реконструировать с помощью многочисленных деталей, словно мозаику, собрав все, что он сотворил малого и великого, в том числе и переживания личной жизни.

Он исключительно интересен для нас и как дипломат, и

как серб, и как герцеговинец. Чтобы узнать мельчайшие подробности его жизни, мы пользовались книгами и рукописями на русском, французском, немецком, итальянском и румынском языках. А сведения о Владиславице мы затребова-ли, лично или через помощников, в архивах Дубровника, Вене-ции, Москвы, Хельсинки, Бухареста и Белграда. Хочется ве-рить, что после этого в его биографии останется мало бе-лых пятен. Народные предания о Владиславице также пред-ставляют собой своеобразный документ.

Хочется верить, что после этой книги Савву Владислави-ча никогда более не вычеркнут из истории знаменитых сла-вян, и его имя не будет забыто в широких слоях сербского народа.

Рим-Бухарест, 1933–1940.

Й.Д.

Глава I

ПРЕДАНИЯ О РОДЕ ВЛАДИСЛАВИЧЕЙ

1. Происхождение Владиславичей и их роль. – Владиславичи и Ченгичи. – 2. Различные версии, согласующиеся с историческими сведениями. – 3. Сербские герцеговинские власти в XVI веке. – Владиславичи в Венеции и Дубровнике. – Сведения о семье Владиславича в Дубровницком архиве.

Между Ясеником и Берушицей, что находятся километрах в двадцати от Гацко, по дороге на Пиву, до конца XVII века жила сербская дворянская семья Владиславичей. Развалины их дома сохранились по сей день: народ называет их башнями князя Владиславича. И сейчас жители Гацко с гордостью говорят об этой семье, которая прославилась в окрестностях еще во времена сербского царства³: выходцы из нее были князьями и народными вождями. Семья имела право владеть этими краями и во времена сербского царства, и во времена османского правления, то есть все время своего проживания в Гацко.

По народному преданию, которое живо и сегодня, властные полномочия Владиславичей не давали покоя бегам⁴ Ченгичам, которые уже захватили часть гацкого пашалыка⁵. Они всячески старались либо уничтожить Владиславичей, либо принудить их к бегству. Целью Ченгичей было опозорить Владиславичей в глазах народа, а затем присвоить себе их

---

³ Эпоха в развитии сербского государства (1346–1371), когда оно достигло своего величайшего могущества и расширило свои пределы до максимальных за всю историю. (*Прим. ред.*)

⁴ В оккупированной Турцией Сербии – вассальный князек. (*Прим. пер.*)

⁵ Область, находящаяся под управлением турецкого пашы. (*Прим. пер.*)

имения. Им удалось собрать войско и ударить по Владиславичам. Однако в гадком крае проживала и другая сербская мусульманская семья, Хасанбеговичей, дружившая с Владиславичами; они сообщили им о намерении бега Ченгича⁶. В ту же ночь Владиславичи бежали в Черногорию. По одному из преданий, женщин и детей их семейства сопровождал до Дубровника некий мусульманин из семейства Звездичей (из Гадко), также друживших с Владиславичами. «Потом они переселились в Россию, где и нынче, – пишет историк Нинкович, – занимают достойное положение в государстве. В России за храбрость и заслуги они получили графские титулы».

Как мы знаем из архивных документов, семья Владиславичей и в самом деле была разделена в результате заговора Ченгичей. Между тем, следуя традициям, Ясеник покинул не весь род, да и в Россию отправилась тоже не вся семья. Когда Владиславичи бежали в Черногорию, от них отстала невеста, уже принятая в семью. Ее не было в Ясенике в то время, когда случилось несчастье. Позже она родила сына Вукана. Она так и осталась на родине, а потомки ее сына Вукана назовутся позже Вукановичами. Они и по сей день живут в Гадко.

Ясеник располагается в весьма живописной местности.

---

⁶ Некоторые источники указывают, что Ченгичи напали на Владиславичей по причине кровной мести, поскольку один из Владиславичей, сын Дуки, убил одного из Ченгичей.

Там и в самом деле находятся развалины, которые прозвали Градиной и которые некогда могли быть домами Владиславичей; ныне они принадлежат Вукомановичам. И в наши дни крестьяне при пахоте находят старинные монеты, которые они называют мангурами⁷. Здесь же расположен и старинный церковный двор, в котором некогда был храм, а рядом с ним – кладбище. Посреди Ясеника находится покос, а вокруг – леса, луга и пашни: говорят, что они раньше принадлежали Владиславичам. Имение князей Владиславичей напминало, судя по всему, огромный феод, измерявшийся скорее квадратными километрами, нежели дулумами⁸. Здесь и село, и леса, и пашни, и река, и ручьи. В плане оно образует неправильный четырехугольник. Это фактически маленькая страна площадью в несколько десятков квадратных километров.

Ченгичи были ближайшими соседями Владиславичей из Ясеника. У бегов Ченгичей были свои феоды с высокими башнями и мельницей, также на самом въезде в Гацко поле, и еще недалеко от Фочи им принадлежали имения Ратай и Оджак. Народные сказания подтверждают их чисто сербское происхождение⁹. Между тем историк доктор В. Борович

---

⁷ Вообще мангур – медная турецкая монета. (*Прим. ред.*)

⁸ Дулум – старинная мера площади; 1 дулум = 1000 м² (*Прим. пер.*).

⁹ Ничифор Дучич пишет, что Ченгичи принадлежат к тому же роду, что и дубровницкий сербский поэт князь Медо Пулич. И сами беги Ченговичи с гордостью подчеркивали, что они сербы, «которые сербствуют в своем доме много дольше, нежели любой другой мусульманский или православный род в Боснии и Герцеговине».

утверждает, что Ченгичи были родом из Малой Азии и что их предком был Исфаендияр-бег, чьи владения находились в долине далекого Евфрата.

Недалеко от Горанско, который давно укрепили турки, находится известный монастырь Пива с храмом Успения, который в 1573 году воздвигли братья Гаговичи с помощью своих соплеменников. В этом монастыре по сей день находится знаменитое Евангелие с дарственной надписью графа Саввы Владиславича из России в память о своих покойных родителях, за свое здоровье и духовное спасение. Там же хранятся и другие церковные книги, также подаренные Саввой Владиславичем, именующим себя в дарственных надписях графом иллирийским.

Народные предания рассказывают, как Владиславичи жестоко отомстили Ченгичам. Эта месть стала мотивом многих народных песен. Леонтие Нинкович пишет, как в битве у Озии¹⁰, «на Озии под Московией», русский генерал Савва Владиславич обратился к турецким солдатам с вопросом, нет ли среди них кого-нибудь из Хасанбеговичей. И когда объявились Хасанбеговичи, он одарил их как лучших друзей, после чего позволил им беспрепятственно вернуться домой, в Герцеговину. После этого он точно так же спросил, нет ли среди турецкого войска Ченгичей. Беги этого рода подумали, что их тоже богато одарят и позволят свободно

---

¹⁰ Имеется в виду Очаков, который во времена турецкого владычества назывался Ози. (Прим. пер.)

вернуться в Герцеговину, так что объявилось семьдесят семь бегов Ченгичей, среди которых самозванцев было больше, нежели настоящих Ченгичей.

В одной из народных песен говорится, как два черных ворона прилетели из Озии под Московией на границу Герцеговины и опустились в Ратае на башню Бечир-паши Ченгича, где их встретила жена паши¹¹. Она спросила двух черных воронов, как проходила осада Озии:

*Вьется ли стяг Муновичей,
Сверкают ли доспехи Сиерчича,
Гарцует ли гнедой Любовича
С поля славного Невесиньского?*

Вороны поведали ей о поражении турок и о том, как Владиславич хитростью выманил бегов, после чего изрубил их всех, чтобы «от врага не осталось и следа...»

*Нет ли здесь кого с Герцеговины,
Ченгичей из рода благородного,
Чтобы я их одарил по совести? —*

---

¹¹ Ченгичи, аги и беги, занимали высокие посты алайбегов и беглербегов и славились как отважные воины. Историк Владимир Скарич пишет, что Ибрагим-бега Ченгича жители Дубровника наделили, помимо всех прочих званий, титулом “Signor”, что означало его исключительное положение в местном дворянстве. В другом источнике мы находим, что правительство Дубровника поздравляет Бечир-бега с рождением сына.

лукаво расспрашивал Савва Владиславич, прохаживаясь перед толпой турецких пленных.

*Тут увидели герцеговинцы-турки,
И решили перед ним пред стати,
Порешили ему в милость сдаться:
Первым из бел-города из Никшича
Подошли к нему все пять Мушовичей
Да и выдали себя за Ченгичей.
Из Клобука тоже два Ковчеговича
Порешили Ченгичами зваться.
Из бел-города Подгорицы солдаты,
Два Бечиркучича тоже назвались
Ченгичами, чтоб домой вернуться...*

И так далее.

Битва у Озии на самом деле случилась в 1735 году. Но Савва Владиславич не мог лично участвовать в ней в качестве генерала, тем более не мог изрубить своих земляков, бегов из Санджака и Герцеговины. Прежде всего, Савва Владиславич никогда не был генералом, каким его рисует народная песня, к тому же в 1735 году Савва был слишком стар для того, чтобы рубить на куски турок (он родился предположительно в 1664 году, скончался в 1738). И не только потому, что не участвовал в битве при Озии в качестве полководца, — его там вообще не было. Однажды он был свидетелем битвы с турками, но это произошло в 1711 году на реке Прут в

Молдавии, да и то он был там в качестве дипломата в звании министра-советника при главнокомандующем фельдмаршале Шереметеве. Справедливости ради следует сказать, что тогда на реке Прут присутствовал один его земляк из Гацко, а именно бег Ченгич, но это был Хасанбег, боснийский алай-бег¹², а не Бечир-паша Ченгич, боснийский беглербег¹³, который якобы погиб от сабли Владиславича при Озии в 1735 году.

Известно также, что Бечир-бег Ченгич возглавил поход нашего «боснийского войска» в Южную Россию, а именно 29 300 мусульман из Боснии и Герцеговины, назначенных охранять от русских турецкую границу и крепость Озию. Здесь наши героические земляки и сложили свои головы. Озию русские с помощью пороха подняли на воздух, треть турецкого войска перебили, а остальных взяли в плен. Этих пленных было числом 7 743, из которых после двух лет заточения вернулось в Боснию всего 1 340. Остальных или перебили по дороге, или же они умерли от голода, или же просто скончались в страшных мучениях. Вот эту катастрофу наших бегов из «боснийского войска» и воспел сербский гусярь XVIII века.

Бечир-паша Ченгич, который якобы лично напал на Владиславичей в их семейном гнезде в Ясенике и отнял имения, принудив бежать в наше Приморье, а некоторых даже в Рос-

---

¹² Алайбег (тур.) – полковой командир. (Прим. пер.)

¹³ Турецкий титул, означающий «господин господ». (Прим. пер.)

сию, никак не мог пасть жертвой мести Саввы Владиславича, в то время знаменитого престарелого дипломата и весьма влиятельного человека из высшего общества. Мы не располагаем никакими сведениями о том, что кто-либо из других Владиславичей, проживавших в России во время битвы за Озию 1735 года, был причастен к судьбе несчастных земляков, которых Бечир-паша привел на юг России защищать султана.

В то время кроме старого Саввы в России жили четыре его племянника, один из которых, граф Ефим Иванович Владиславич, сын старшего брата Саввы Иована, стал русским генералом – о нем позже будет рассказано более подробно. Один из его родственников напишет, что Ефим был «всею внешнею красотою украшен, но в речениях был свиреп и дерзок». Не спутал ли сербский гуслер этого генерала с его дядюшкой Саввой? Похоже, и это не так. Ефим родился в 1691 году и в Россию попал ребенком. Юношей он уехал учиться во Францию, где жил долго и даже женился, и, вероятно, духовно был очень далек от воспоминаний о родовом гнезде предков в Ясенике и о кровавой расправе Ченгича с его семьей.

В сборнике народных песен Вука Караджича¹⁴ есть песня «Боснийцы на Москву», в которой также поется о битве

---

¹⁴ Вук Караджич (1787–1864), выдающийся деятель сербского национального возрождения, создатель современного сербского языка, собиратель сербского фольклора.

при Озии. Однако в ней мстителем оказывается некий Савва Црноевич, мстящий за пятерых погибших братьев все тому же Бечир-бегу Ченгичу. В другой Буковой песне, «Фоча и фочанки», пленный Асан-паша, выведенный из темницы на солнышко, рассказывает русским о том, что в Боснии самый красивый город – Сараево, жители Мостара – настоящие герои, а в Фоче – самые красивые девушки. В той же песне говорится, что русским помогал некий Иован Владиславич, разъяснивший им, как тяжело захватить Фочу из-за окружающих ее рек Дрины и Чиотины, а также из-за горы Црни Врх.

Все эти подробности, несмотря на несхожесть, возможно, имеют под собой фактические основания. По русским сведениям, Савва Владиславич пребывал в России вместе с братом Иованом, его четырьмя сыновьями и дочерью; четвертого сына Иована также звали Иованом. Так что ничего странного нет в том, что в Буковой песне речь может идти об одном из двух Владиславичей – отце или сыне, тем более что там речь идет о Фоче, которая считается малой родиной некоторых наших Владиславичей из Ясеника у Гацко.

Песня о Саввиной мести Бечир-бегу представляет чрезвычайный интерес по той причине, что она практически полностью сохранила список семей наших бегов, проживавших в то время в Герцеговине и бывших тогда столпами турецкого режима в нашей стране, которых сербский народ, естественно, считал своими врагами. Если бы не сербский гусляр, эти знаменитые семьи давно были бы забыты.

Предания о древнем сербском роде Владиславичей записали и опубликовали пять наших боснийских и герцеговинских авторов: Ничифор Дучич¹⁵, Лука Грджич-Бьелокосич, Степо Трифкович, доктор Евто Дедиер и Леонтие Нинкович. Трое из них напечатали эти предания в вестниках Сербской академии наук в Белграде, а Грджич и Нинкович – в отдельно изданных работах о народе. Трое из них перечислили имена тех Владиславичей, которые, по народным преданиям, оказались у семейного очага в момент нападения Ченгичей, после чего спаслись бегством, осев в других краях. В новых местах проживания они, как сообщают предания, породнились с другими знаменитыми сербскими семьями, но перестали называться Владиславичами, приняв крестные имена новых родичей.

Так, первый из упомянутых пяти писателей, Ничифор Дучич, пишет, что в то время в Ясенике у Гацко жили три Владиславича: Савва, Дука и Вукоман. Савва уехал в Россию, и о его семье ничего не известно. Сыновья Дуки убили од-

---

¹⁵ Ничифор Дучич (1835–1900), архимандрит, сербский общественный деятель. Главные литературные труды: «Монография монастырей Тврьдоша (Тробины) и Дужи» (1859); «Монография монастыря Житомышлича» (1861); «Геройский памятник, песни великого воеводы Мирко Петрович» (1864) и др. (*Прим. ред.*)

ного из Ченгичей и бежали в Требинье, где от них пошел род Дучичей. От Вукомана произошли Вукомановичи, которые по сей день живут в Ясенике.

Второй из писателей, Лука Грджич, также рассказывает об этой знаменитой семье и ее бегстве, попутно припоминая еще одного ребенка, от которого в Гацко пошли нынешние Вукановичи (имея, очевидно, в виду Вукомановичей).

Третий из упомянутых писателей, Стjepо Трифкович, говорит, что в семье Владиславичей было тогда три брата: Дука, Максим и Милорад. Дука остался в Требинье, и от него пошли Дучичи; Максим двести лет тому назад переселился в Боснию, и от него пошли тамошние Максимовичи, а третий брат, Милорад, бежал в Россию.

Четвертый из писателей, доктор Евто Дедиер, пишет, что Владиславичей было четыре брата: Лако, Бьеле, Дука и Вуко. Из Ясеника они разъехались в разные стороны: Бьеле и Дука ушли в Загору, но им там не понравилось, и Бьеле уехал в Белошев Дол у Любиня, а Дука перебрался в Луг, и от него в Требинье пошли Дучичи. Дукин сын Максим уехал в Сараево, и его тамошние потомки зовутся Максимовичами. Одна из таких семей живет в Трнове у Сараево. От Дучичей, пишет доктор Евто Дедиер, пошли и Чабрилы из Подвележья у Невесинье.

И, наконец, пятый из писателей, Леонтиe Нинкович, вспоминает только Савву и его брата Мату – которые на самом деле существовали в то время, да только братьями не были.

Ровно столько на сегодняшний день опубликовано о происхождении и о самой семье Владиславичей, точнее, о тех, кого упоминают как его родных братьев. Следует добавить, что в одном из вариантов народной песни, повествующей о мести Саввы Бечир-бегу под Озией, упоминается брат Саввы, зовущийся Тодор. В песне Савва Владиславич под Озией кричит бегу Ченгичу:

*Знаешь ли, паша, и знают твои люди,
Что когда вы дом мой разоряли,
Порубили на кусочки брата Тодора.
Моего родного брата милого,
И огонь в очаге его кровью залили...*

Другая народная песня говорит о Саввином брате Живко: «Ты не только челядь всю замучил – зарубил ты брата Живко моего...» Наконец, существует и третий вариант, в котором также говорится о Саввином брате, зарубленном в Ясенике, но не названном по имени: «И милого брата моего зарубили вы – в доме белокаменном прямо над очагом, и огонь домашний кровью залили...»

Пять упомянутых выше писателей представили нам списки с разными именами братьев Саввы Владиславича. У одного из них Максим назван Дукиным братом, а у другого – его сыном. Так, в народной песне сказано, что Живко – брат Саввы, а в народном предании он уже племянник Саввы. Между тем в народных преданиях просто так ничего не говорится.

Живко и в самом деле был племянником Саввы, сыном Дуки, что подтверждается письмом Дуки, хранящемся в архиве Дубровника; и по народному преданию, и по народной песне, он был зарублен в Ясенике. Именно перед очагом, возможно, во время трапезы, он погиб от сабли Бечир-бега Ченгича, как, согласно народной песне, говорит Савва, объявляя о своей мести после взятия Озии.

Но удивительнее всего то, что доктор Евто Дедиер, рассказывая о Владиславичах, не упоминает Савву! А ведь он был самым знаменитым представителем этого рода, самым знаменитым герцеговинцем того времени, знаменитее любого другого серба XVIII века. Он прославился благодаря великолепным дипломатическим способностям, которые привели его в стан ближайших сподвижников Петра Великого, а также благодаря усердию в освобождении Сербии и православных Балкан от турецкого ига с помощью России. Дедиер, написавший наиболее значительную на сегодняшний день научную работу по истории Герцеговины, ничего не слышал о Савве, хотя имя его и сейчас здесь помнят, особенно в монастырях. В них все еще хранится церковная утварь и книги, присланные из России Саввой Владиславичем, на многих из них сохранились его дарственные надписи, где он именует себя «графом иллирийским Саввой Владиславичем». Он посылал книги в монастыри Пива, Житомислич, в церкви в Топлой у Херцег-Нового и в Рисан (при жизни в 1732 году и 1738 году после смерти, в соответствии с завещанием).

Народные песни Герцеговины неоднократно воспели Савву Владиславича – не только как русского вельможу и любимца Петра Великого, но и как своего земляка и великого серба. В любом случае, в народных преданиях о семье Саввы Владиславича сохраняется то, что отметили упомянутые авторы: все они говорят об одной и той же семье, хотя и ошибаются иной раз в именах. Все пятеро сходятся в том, что семья Владиславичей была родом из Гацко, точнее, из Ясеника, а не из какой-либо другой местности. События в Ясенике народное творчество описывает весьма драматично. Гусляр вкладывает в уста Саввы Владиславича после битвы при Озии трогательные стихи, осуждающие Бечир-пашу Ченгича, разорившего его родной дом. Он спрашивает: «Где моя башня на вершине Ясеника и луга в долине Ясеника, и нивы на Луке, имения, и семь моих водяных мельниц, и сукновальни мои... Где моя тысяча овец, а с ними пятьсот ягнят, и сто коней и коров, и любимый гнедой, что иного человека умнее... И где сотня ульев пчелиных, и деньги золотые мадьярские, что в доме у меня остались, и никто из моих их потратить не сможет...». Бечир-паша отвечает, что вернет все отнятое; но тут его опять спрашивает Савва Владиславич: «А кто мне вернет брата единокровного, которого изрубили над очагом в доме белокаменном, и кровью мой очаг залили...»

В той же песне говорится о том, что турки угнали у Владиславичей их женщин и детей и привели их в Метохию. В их числе была и сестра Саввы Милица («что была прекрас-

ней белой вилы¹⁶»), которую заключили в холодную темницу. Бечир-паша, говорится в песне, приказал своим людям привести к нему в Ратай Милицу Владиславич, чтобы выдать ее замуж за какого-то перешедшего в мусульманство серба, а прочих пленных перебить... Но Бечир вскоре образумился и покаялся, после чего отослал плененных людей Владиславича некоему сербскому юноше в Дубровник. Там, как гласит предание, латиняне хорошо приняли челядь Владиславича и отправили их в Россию...

Так говорится о катастрофе Владиславичей в Ясенике в народных песнях и преданиях, сочиненных в то время в тех самых краях.

Добавим к этому, что один, шестой по порядку, автор, причем автор, живший в XVIII веке, то есть современник Саввы Владиславича, пишет, что Владиславичи были родом из Гацко. Автор этот – несостоявшийся владыка далматинский Симеон Кончаревич, который, не получив от венецианского правительства согласия на его избрание епископом в Косово, покинул Далмацию, а затем и свою родину, в 1758 году бежал в Россию, где и скончался в Киеве 26 августа 1769 года. В своей знаменитой «Летописи» Кончаревич вспоминает князя Луку Владиславича из Гацко. Этот князь Лука сопровождал в Печтребиньского митрополита Василия Иова-

---

¹⁶ В мифологии разных народов – светлый женский дух. Вилы представляются юными, прекрасными, бледнолицыми девами, в тонких белых одеждах и с длинными распущенными косами и крыльями. (*Прим. ред.*)

новича, позднее канонизированного под именем святого Василия Острожского, и по возвращении из путешествия щедро одарил монастырь в Остроге. В той же «Летописи», в главе за 1711 год, Кончаревич пишет, что у князя Луки из Гацко был в Дубровнике сын Савва Владиславич, который оставался там до 1687 года, поддерживая дружеские отношения с тамошними «самыми уважаемыми властителями». Эта «Летопись» Кончаревича, помимо всего прочего, служит единственным историческим доказательством того, что Владиславичи родом из Гацко, а не из какого-либо другого места.

Существует еще одна, народная, версия, которая утверждает, что Владиславичи были родом из Попова; такие же данные можно встретить и в русских источниках. Также в архиве Дубровника имеются сведения о том, что Владиславичи происходят из Фочи. Наконец, существует и третья версия: Владиславичи родом из Житомирщины. Первая из этих трех версий на некоторое время вызвала смятение, поскольку после бегства из Ясеника Владиславичи могли в поисках нового места жительства побывать в Попове и, кроме того, пытаться отыскать там корни своего рода. По сложившейся традиции многие утверждают, что Дука или кто-то из его сыновей переселился в те края, сменив старую фамилию Владиславич на производное от Дука – Дучич. В одной народной песне, воспевающей восстание 1711 года под руководством Милорадовича и владыки Данилы, говорится о том, как русский царь Петр Великий в одной из бесед обращается к сво-

ему главному советнику Савве Владиславичу, сербу по происхождению, со следующими словами: «Верный Савва Владиславич мой, из Попова да и из Герцеговины..... Сведения о том, что Владиславичи и, конечно же, сам Савва родом из Попова, могли вкрасься в их родословную, составленную в России, именно благодаря этой песне, переведенной на русский язык.

Остается, наконец, и версия, опять-таки опирающаяся на русский источник, о том, что Владиславичи родом из Житомишлича. Русская родословная Саввы утверждает, что князь Лука Владиславич, отец Саввы, скончался в Дубровнике, после чего тело его стараниями Саввы перенесли в монастырь Житомишлич на Неретве, где оно и было предано земле.

Существует еще одно народное предание, в котором говорится, что Владиславичи и Милорадовичи – ветви старинного сербского дворянского рода Храбренов, существовавшего в XVI и XVII веках, даже намного раньше, в Дубравах. Так, в одной прекрасной народной песне поется о том, что обе сербские семьи происходят от двух родных братьев: «От Милоша Милорадовичи, от Милинка Владислав(лев)ичи...». И сам Савва Владиславич в одном из писем 1728 года хвалится перед русскими тем, что его предки построили монастырь и помогали бедноте. Неизвестно, подразумевал ли в этом случае Владиславич монастырь Житомишлич или он имел в виду монастырь Пиву, который воздвигли Гагошичи, которые, в свою очередь, также ведут род от Владиславичей. Позже мы

увидим, что Савва Владиславич в России состоял в близких отношениях с тамошними Милорадовичами и, как говорят, во многом им помогал.

Сербский герцеговинский род Храбренов дал несколько знаменитых имен, некоторые даже получили историческое признание. Род этот обрелся в старину в той местности, что теперь зовется Дубравой. В одном из документов, который посланники патриарха Иована и воеводы Грдана направили папе, говорится, что Храбрены – господаи Дольней Влахии, а про самих влахов сообщают, что они придерживаются православной веры. «У *Дониех Власцех ему главе Храбрени*». Этот старый род известен у нас, сербов, в первую очередь тем, что южнее Мостара, на Неретве, они выстроили богатейший в Герцеговине монастырь – Житомислич. Его воздвиг в 1563 году спахия¹⁷ Милисав Храбрэн, что следует из надписи, выбитой на камнях монастырской церкви. В той же церкви находится и плохо сохранившаяся фреска 1609 года с изображением того же спахии Милисава, похоже, в дворянской одежде того времени, держащего на ладони миниатюрную копию монастыря. Это единственное в Герцеговине изображение такого рода. С одной стороны головы написано «*Милисав*», с другой – «*спахия*». В монастыре хранятся документы, подтверждающие, что спахия Милисав Храбрэн лично отправлялся в Царьград к султану Мухаммеду II Заво-

---

¹⁷ Здесь: крупный землевладелец. (Прим. пер.)

евателю испрашивать фирман¹⁸ на строительство монастыря на фундаменте старой церкви времен Неманичей. Милисав погребен в монастырской церкви.

Храбрены были зажиточными сербскими господами, что видно по их богатым постройкам и оставленным завещаниям. У Владиславичей были Ясеник и Берушица, у Храбреных – богатые поместья в Дубравах. Записано, что три брата Храбрена построили на свои средства церкви в Триебне, в Ошеничах у Стоца, упомянутый уже монастырь Житомирский. Монастырь посвящен Благовещению, а церковь воздвигнута в честь святого Николая, в связи с чем Ничифор Дучич предположил, что семейным покровителем Милорадовичей был именно этот святой.

В этих церквях по сей день раз в год служат службу в честь ктиторов Храбреных. В Триебне на церковной стене написано: «*Воевода Радое Храбрен*». В документах на турецком языке, хранящихся в монастыре Житомирский, упоминается и воевода Милош Храбрен, отец Милорадовичей, и спахия Петар Храбрен. Еще в X веке дубровницкий сенат принимает в ряды граждан своей республики некоего воеводу Петара Степановича Милорадовича вместе с его братьями: князем Вукацем, князем Павкой, князем Степаном и, наконец, князем Добрией. Один из поздних Милорадовичей, Иероним, в 1760 году получил от императрицы Марии Терезии дворянский титул, в соответствии с которым стал зваться Иероним

---

¹⁸ Здесь: указ султана Османской империи. (Прим. пер.)

Милорадович-Хребенович-Дубрава.

Паперть церкви в Житомирском, по народному преданию, стала семейной гробницей Храбреных. И в самом деле, здесь под плитами, на которых не было никаких надписей, однажды обнаружили четыре скелета¹⁹. Но ни на одном камне не упоминается имя ктитора – спяхии Милисава. Монахи сказали мне, что у них нет никаких сведений о его могиле.

Имения рода Храбрена-Милорадовича в Дубравах сегодня принадлежат их потомкам по имени Опиячи, принявшим ислам. Другие же Храбрены, оставшиеся в Герцеговине, сохранили православную веру и зовутся теперь Лёличами, Кузманами и Кнежичами. Лёличи и Кузманы теперь обычные крестьяне, простые пахари на землях своих предков у монастыря Житомирского. Другие Храбрены переселились в Россию, и существует мнение, что они стали там называться Милорадовичами. Историк Скарич пишет, что первым уехал Илия с двумя сыновьями, Михаилом и Гаврилой, во время Морейской войны²⁰ (1683–1689).

Я полагаю, что даты, приведенные Скаричем, следует исправить или по крайней мере дополнить. Собственно говоря, я обнаружил, что еще в 1644 году русский царь Алексей Михайлович послал из России некоего «сербского князя» Сте-

---

¹⁹ По сведениям Н.А. Илларионова, бывшего русского консула в Мостаре, с 1844 – в Едрене.

²⁰ Война за контроль над Мореей и Адриатикой между Венецией и Османской империей. Морея – средневековое название полуострова Пелопоннес. (Прим. ред.)

пана Милорадовича в сербский монастырь Студеницу, с тем чтобы тот доставил ему опытных горняков для поисков серебра. Похоже, в Студенице жили тогда опытные рудознаты, о чем русским рассказал студеницкий архимандрит Неофит, который как раз в то время с тремя монахами побирался по России. С этим Неофитом и его монахами упомянутый князь Степан Милорадович и отправился в 1644 году по делам в Сербию.

Важен и тот факт, что в 1644 году князь Степан Милорадович уже второй раз отправлялся в студеницкий монастырь. А это означало, что Милорадовичи жили в России не только до Морейской войны, но и ранее упомянутого 1644 года.

Добавим еще, что кроме Илии Милорадовича и двух его сыновей, Михаила и Гаврилы, которых упоминает Скарич, в России жил с ними и третий их брат, Александр, о котором Савва Владиславич напишет в одном из своих писем. Скарич утверждает, что Михаил и Гаврила приезжали в 1707 году в Герцеговину, чтобы осмотреть имение предков в Житомисличе. В 1711 году Михаил появляется вновь, но уже как «сербский полковник», назначенный на эту должность особым царским указом. По инициативе Саввы Владиславича его послали в Цетинье с царской прокламацией к народам Черногории и Герцеговины, призывающей к восстанию против турок (в это время Россия двинула на них свою армию, чтобы окончательно изгнать из Европы). Речь шла о знаменитом восстании, провозглашенном в Цетинье на Ви-

довдан²¹ 1711 года, под руководством полковника Милорадовича и владыки Данилы I Петровича, того самого, которого Негош позже воспел в «Горном венце»²².

Существует также версия, что Владиславичи были родом из Фочи. В одном из документов Дубровницкого архива значится: «Ben si sapesse che era nattivo ed abitante in Fossia» («рожден и проживает в Фоче»). Историк Йиречек, опубликовавший эти данные, вспоминает некоего Николу Владиславича, торговавшего в 1689 году в Фоче. В Фоче на самом деле жили некие Владиславичи, и среди них был Дука Владиславич, которого всюду упоминают как Саввиного брата. И только в одной рукописной заметке герцеговинского архива Дука ошибочно упоминается как Саввин отец. А ошибка случилась потому, что сам Савва в официальных документах (в записи о венчании, в указе о присвоении русского графского титула, наконец, на надгробной плите в Петербурге) зовется Саввой Лукичем Владиславичем, то есть сыном Луки, как то говорит Кончаревич в своей «Летописи», а не сыном Дуки. В письме дубровницкого консула в Царьграде Луки Барки мы видим, что начиная с 1692 года дубровницкий сенат направлял официальную почту Луке Бар-

---

²¹ 28 июня (15 июня по ст. стилю) – день святого Вита. В этот день в 1389 году сербская армия под командованием царя Лазара потерпела поражение на Косовом поле, после чего началась многовековая оккупация сербских земель турками. (*Прим. пер.*)

²² «Горный венец» (1853) – эпическая поэма правителя Черногории Петра II Петровича Негоша (1813–1851), воспевающая историю его страны. (*Прим. пер.*)

ке и получал ее от него через Дуку Владиславича в Фоче. Этим же путем, как свидетельствуют документы Дубровницкого архива, шла и его дипломатическая переписка вплоть до 1705 года, если и не позже. Консул Лука Барка в письме от 21 октября 1693 года, которое хранится в Дубровницком архиве с другими его письмами, называет Владиславичей из Фочи *persone onorate*. Наконец, в самой Фоне существует народное предание о благородном семействе, которое некогда проживало в этом герцеговинском городе. Я получил эти сведения из частных источников – устных рассказов двух нынешних старцев из Фочи, Николы Кочовича и Тане Еремича:

В Фоне в средние века жили Владислав(лев)ичи, сербские дворяне. Было их три брата: Мирое, Влаислав и Любое. Мирое принял ислам, и от него ведут родословную Ченгичи (!), которые и теперь живут в Кремине недалеко от Фочи, и народ зовет их Мироевичами, по тому самому Мирое. Любое тоже принял ислам, и от него пошли беги Ченгичи-Любовичи (!), которые теперь живут в Невесинье. Третий брат, Влаислав²³, отказался это делать и сбежал от турок в Дубровник. Последним потомком Владиславичей в Фоче была некая баба Савка, от которой ведут

---

²³ Н. Дучич пишет, что первым из Владиславичей переселился в Россию Влаислав, дед Саввы, но эти сведения почерпнуты из упомянутой уже песни «Баи Влаислав», в которой перепутаны имена, поскольку об этом деде и о бане Владиславе нет ни слова ни в народных преданиях, ни в архивных и других документах.

свой род известные фочанские семьи Иовичичей и Еремичей. Землю, на которой построены в Фоче нынешняя православная церковь и школа, подарили Владиславичи.

И сегодня в Фоче сохранилась могила с именем Савки. Отец и брат Савки, имена которых неизвестны, бежали – как говорится в местном предании – от турок в Валахию. В Фоче оставались семь их сестер, одна из которых вышла замуж в Дубровник. Про остальных пятерых также никто ничего не знает. Еще говорят, что один из Владиславичей уехал в Дубровник и «занимал там очень высокое положение».

Недалеко от Фочи, километрах в одиннадцать, находится Ратай, бывшее летнее поместье Ченгичей. В этом селе сохранились какие-то старинные стены, ворота, башни и темницы. Говорят, что в них запирали преступников, ожидавших наказания. Недалеко от Ратая находится село Ясеново, в котором сейчас живут мусульмане Сердаревичи и Чаушевичи. Здесь сохранились старинные колодцы, о которых народ говорит, что они были еще при турках. В Фочанском уезде, в общине Валеничи, есть село Мештровцац...

Как видно, вполне можно допустить, что Владиславичи были родом из Фочи, а в Ясенике у них было сезонное пастбище и летняя резиденция, как об этом и сегодня говорят в Ясенике. Во всяком случае, Симеон Кончаревич утверждает, что отец Саввы был родом из Гацко, а не из Фочи. Об этом

же свидетельствует и народная песня о «Бане²⁴ Влаиславе». В ней поется о том, как Бечир-бей Ченгич, прослышав, что в Гацко живут три сербские красавицы – Мика Старович, Ружица Срджевич Шчепанова и Ана Мандич Иованова, написал бану Влаиславу в Гацко, чтобы тот послал ему вместе с податью этих трех красавиц, которых он выдаст замуж за своих трех сыновей. (Похоже, бана Влаислава путают с Саввой Владиславичем!) Бана оскорбило такое дерзкое требование. Он заманил в Гацко трех сыновей Бечир-паши и повесил их. После этого Влаислав с семьями девушек бежал в Дробняк, к попу Копривице, оттуда в Германию и, наконец, на галере перебрался в Россию. Он спасает жизнь царю Петру Великому во время какого-то покушения, подстроенного турками, становится царским любимцем, после чего помогает всем герцеговинцам в России... и так далее. Из этой песни также следует, что Савва Владиславич был вынужден отсылать бегу в Ратай подать и сербских девушек из своего Гацко, а не из Фочи, следовательно, именно оттуда и были родом Владиславичи.

Интересно, что род Владиславичей впервые появляется в народном творчестве только в связи с нападением Ченгичей на их Ясеник, с нападением, которое было настолько коварным и кровопролитным, что вытеснило из народной памяти все прочие воспоминания о них. В историческом плане

---

²⁴ Бан – принятое у южных славян титулование начальника области. (Прим. пер.)

Владиславичи впервые появляются в «Летописи» Кончаре-вича, а первый архивный след они оставляют в Дубровнике, в письмах дубровницкого консула в Царьграде Луки Барки.

Между тем один из Владиславичей упоминается ранее Луки Владиславича, князя из Гадко. Это некий Стефан Влаисалич (ателоним²⁵ от «Владиславич», именно так подписывался кириллицей Дука; в то же время латиницей он подписывался именно «Владиславич»). Упомянутый Стефан Влаисалич появляется в записи, сделанной на переплете «Летописи» Зонарина в сербско-славянском переводе, который находится в Карловацкой патриаршей библиотеке. Вот эта надпись: *«Боже в име Твое да се знает како приложиси си книгу Стефан Влаисалич лета 7147 (1639) месеца февр. 13. дн св. Симеон Србски Мироточец и потписах аз смирен Митрополит Захл.....мски Вас.....ле при игумену Логинуу».*

Владиславичи встречаются еще раньше. Собственно, возникает некий князь Херак Влаисалич в области Дольних Влахов в 1483 году, то есть в то время, когда турки завоевали Герцеговину.

Но и это не самое древнее упоминание о Владиславичах. В грамоте Стевана Твртко от 1378 года говорится о Влкце Владислалике. Но и за два года до этого, в 1376 году, в качестве посланника князя Николы Алтомановича упоминается некий Вукша Владисалич.

---

²⁵ Криптоним, полученный в результате пропуска части букв имени и фамилии. (Прим. ред.)

Поскольку народные предания о семье Владиславичей в Герцеговине записаны еще во второй половине XIX века, мне стало интересно, живы ли еще эти предания у народов Герцеговины. И в самом деле, я обнаружил, что они не только еще живы, но даже полностью сохранились. Мне кажется, что в нынешнем виде, благодаря множеству сохранившихся неизвестных деталей, они стали еще интереснее и волнительнее, благодаря множественным совпадениям деталей народных песен с архивными материалами.

Гацко – один из самых живых краев сербской народной поэзии, который внес большой вклад в развитие нашей гуслярской и повстанческой психологии. Гацко не только город, но и обширный край. На плоскогорье Гацко пересекаются главные старинные пути. Веками по этим дорогам купцы из Дубровника отправлялись в Сербию и еще дальше, в балканские страны. На этом перекрестке жизнь текла оживленнее, чем в других местностях. С того времени, когда на поле Гацко сражались короли Драгутин и его отец Урош I, и вплоть до падения Дубровницкой республики²⁶ тут проезжали многочисленные курьеры, торговые караваны, католические миссионеры и иностранные агенты. Тут испокон веков жили многие сербские благородные и владетельные семьи, к

---

²⁶ Городская республика на Адриатическом побережье, существовавшая в XIV–XIX вв. и игравшая важную роль в Средние века. Включала Дубровник, часть побережья северо-западнее Дубровника, ряд островов: Млет, Ластово и др. В 1806 была оккупирована Францией, упразднившей в 1808 республику и включившей ее территории в состав Иллирийских провинций. (*Прим. ред.*)

которым принадлежали Владиславичи. Кстати, вся эта территория, вплоть до Дурмитора, удаленного по прямой на сто километров, стала родиной всех сербских устремлений, кузницей языка, родником поэзии, школой сербского героизма и человечности. И потому Дурмитор стал духовным центром, нашим Олимпом.

Милош Слепчевич, уроженец Гацко, отлично знающий Герцеговину, записал в наши дни народное предание о Владиславичах, которым и завершим наше исчерпывающее исследование. Тодор Вукоманович, шестидесяти лет от роду, нынешний хранитель семейного очага Владиславичей, поведал то, что сам некогда слышал от Тома Вукомановича, когда тому только исполнилось восемнадцать:

Про Владиславичей говорят, что до Косова они жили где-то в Восточной Сербии, недалеко от Видина, и что их предок Влайко с войском был на Косово. После косовской катастрофы Владиславичи укрылись в этих краях, недалеко от Фочи, а Ясеник был у них сначала летним пастбищем, а потом стал летней резиденцией, после чего где-то в конце XVII века они окончательно поселились в Ясенике. Первыми прославились Савва с братьями Дукой и Тодором. Савва поддерживал связи с Россией, получал оттуда важные письма, в которых говорилось, что скоро рабство рухнет и для угнетенного сербского народа настанет свобода. Об этих письмах от самого Саввы прослышал

некто Шоич, который сначала кумовался с Саввой, а потом донес на него туркам, Бечир-паше Ченгичу. О предательстве Шоича узнал некий перешедший в мусульманство Джуро Звизда, он и рассказал об этом Савве Владиславичу. Савва поспешил перепрятать секретные письма и передал их Дукиному сыну Живко. Но тут в Ясенике появился Бечир-паша Ченгич. В тот же день Савва спрятался от турок в местечко Ясенье, куда привел с собой сына Живко. Сам Живко Владиславич встретил турок в семейном доме; но около очага, где они грелись во время обеда, у него из-за пазухи выпали те самые письма, что Савва получал из России. Бечир-паша Ченгич, увидев, от кого эти письма и что в них написано, выхватил саблю и зарубил Живко Владиславича, и кровь Живко пролилась на огонь очага.

Савва, который с сыном Живко в то время прятался в Ясенье, вскоре узнал о гибели Живко, а его сын, перепуганный смертью отца и, похоже, сам раненный, вскоре умер. Савва похоронил его на месте, которое по сей день называется «Плана (поляна) Владиславича».

Люди Ченгича разграбили башню Владиславичей, женщин и детей заперли в тюрьме Гацко. В тот день жена Тодора была в Дробняке, у своих родителей; она была на сносях и родила мальчика, которого назвали Вукоман, от него и пошли Вукомановичи, которые по сей день живут в Ясенике.

В тюрьме Гацко с прочей Саввиной челядью находилась и его сестра, которую Бечир-паша хотел взять себе в жены; об этом узнали сербы, которые

разожгли на вершинах гор огромные костры, призывая народ к восстанию. Услышав от одного из Звиздичей, что народ взбунтовался, Бечир-паша отказался от мысли о женитьбе. В это же время и мусульманин Звиздич, приятель Владиславичей, посоветовал сербам ночью тайком подобраться к его башне и завалить ее камнями, поскольку именно в ней Ченгич держал схваченную челядь Владиславича. Сербы не преминули поступить именно таким образом. Звиздич воспользовался этим случаем, и с помощью своих слуг перебросил Саввину челядь в подвластную Венеции область, в Рисан, где уже обосновался Савва и его братья Дука и Тодор.

Далее в этом предании говорится:

Вскоре после этого Савва отправился в Царьград, а Тодор, жена которого оставалась в Дробняке, вернулся в Ясеник, где поднял на борьбу тридцать горцев. Однажды Тодор остановился переждать день в Мушиной пещере. Об этом прознали турки и окружили пещеру. Первым в нее с ятаганом в руках ворвался некий бег Сребреница, которого сербы там и зарубили; с тех пор пещера зовется Сребреница. В этой битве погиб и Савин брат Тодор Владиславич.

Два Дукиных сына, Живко и Тодор, после гибели отца остались со своими семьями в Ясенике. У Владиславичей здесь были свои дома, детальное

описание которых осталось в народных преданиях. Башня находилась в местечке под названием Главица, ее фундамент сохранился до нынешних дней. Это было большое и крепкое здание в 10 метров шириной и 20 длиной, а в плане она была типичным строением наших феодалов, христиан и мусульман того периода. Она была построена на вершине Ясеника из тесаного камня, что видно по остаткам фундамента, в три этажа со светелкой. Под очагом располагалось сводчатое пространство, в которое вели потайные двери. На первом этаже вместо окон были бойницы, камень вокруг которых почернел от порохового дыма. В башню вели железные ворота, просуществовавшие до 1875 года, пока крестьянин Трифко Драгумило не приспособил их к мельнице Вукомановича. Перед башней было еще одно здание с очагом, прозванное «дом с дымоходом», а за башней располагалось гумно, еще дальше, на косогоре – сливовый сад; и, наконец, в непосредственной близости, на Берушицком ручье, стояла мельница. Башня была покрыта дранкой. Всего лишь 50 лет тому назад башню разобрали на камни, которые использовали при строительстве церкви в Берушицах.

От башни шла мощеная дорога через Ясеник, она и по сей день зовется калдрма²⁷. Под старыми строениями в Ясенике были конюшни Владиславичей. Было там еще одно каменное гумно, на месте, которое зовут

---

²⁷ сербск. – булыжная мостовая. (Прим. пер.)

Челина, там же находилась и огромная конюшня. Говорят, что под этим каменным гумном зарыто добро Владиславичей...

Савва Владиславич выкопал в Ясенике глубокий колодец, сохранившийся до наших дней. Он тут и церковь выстроил, на кладбище при которой хоронят Вукомановичей и Ребичей, в то время как в полном соответствии с традицией предателей Шоичей, присвоивших часть земель Владиславичей, погребают на отдельном кладбище. Когда однажды раскопали могилу того самого Шоича, Саввиного кума, который донес на него туркам, оказалось, что тело его не было тронутو тленом, что означало: сербская земля не желает принять в себя тело предателя.

От церкви, которую построил Савва, остались стены высотой примерно в метр, но алтарь и трапезная полностью сохранились. Перед церковью сохранился один каменный престол, а другие похожие разломали Авдичи, когда проходили здесь из Планы на гору Зуку. Земля при церкви в Ясенике принадлежала первой соседней церкви в Самоборе. Вукомановичи сорок лет тому назад выкупили эту землю у Ченгичей, теперь она принадлежит им. На Самоборском поле есть плавни, которые по завещанию принадлежали упомянутой Саввиной церкви в Ясенике до тех пор, пока турки церковь не разрушили».

Два сына Дуки Владиславича, оставшиеся в Ясенике после нападения Ченгича и гибели Живко и Тодора²⁸ со всеми своими семействами, поссорились однажды из-за имения. У них у обоих были свои собственные дома на Главицах. Их соседи вмешались в ссору, в результате пролилась кровь, и от их рук погиб один из двоих Дукиных сыновей, могила которого находится в селе Платица неподалеку от Ясеника. Кровавопролитие дало туркам повод вмешаться и отнять имения Владиславичей, как это обычно бывало в те времена. Потомки тех сыновей Дуки – нынешние Дучичи из Требинья. Там, говорят, дети убитого Дукиного сына из-за этого трагического случая в семье поменяли семейного святого.

Так Милош Слепчевич записал предание о Владиславичах в самом Ясенике. Далее в этом же предании говорится:

Одна из сестер Саввы Владиславича вышла замуж в Рисан. Несколько лет спустя из Гацко в Рисан приехал за солью некий Голубович, который раньше был слугой у Владиславича. В Рисане он дал о себе знать той самой

---

²⁸ Ничифор Дучич, который еще в 1874 году, то есть три четверти века тому назад, опубликовал свои сведения о Владиславичах, также пишет, что после нападения Ченгича на Ясеник на своей земле остались двое Владиславичей, но указывает, что это были Дука и Вукоман. Сыновья Дуки убили одного из Ченгичей, после чего переселились в район Требинья, где стали прозываться Дучичами, а Вукомановичи остались в Ясенике. То, что Дукины сыновья переселились в Требинье, подтверждает и этот рассказ, записанный г-ном Милошем Слепчевичем.

Саввиной сестре. Она ему точно сказала, что в подвале под очагом в башне Владиславичей в Ясенике закопан целый мешок мелкой серебряной монеты, и когда он откопает его, пусть возьмет себе половину, а вторую пусть привезет ей; и еще она позволила ему поселиться в башне Владиславича. Еще она обещала ему, что если он принесет серебряные деньги, она откроет ему, где закопано золото.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.